

4. Луман Н. Общество как социальная система / пер. с нем. А. Антоновский. М.: Логос. 2004.
5. Матвеева Н. А. Инерционность системы образования в России (теория, методология и опыт социологического исследования). Барнаул: Изд-во БПГУ, 2004.
6. Поварков Я. Я. Обществоведение: итоги и проблемы // Вопр. философии. 1965. № 6. С. 127–138.
7. Постман Н. Исчезновение детства (реферат, подготовил А. Ярин) // Отеч. зап. 2004. № 3. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/oz/2004/3/2004_3_2-pr.html
8. Примерные программы основного общего образования. Общественное образование. М.: Просвещение, 2010.
9. Причины наших неудач в исследовании PISA, или устроит ли нас негарантированный результат? // Платное образование. 2007. № 4. С. 20–26.
10. Стандарт общего образования: концепция государственных стандартов общего образования / Рос. акад. образования. М.: Просвещение, 2006.
11. Рубина А. Я., Прямикова Е. В., Лобова Е. В. Социальная ценность образования: масштаб района крупного мегаполиса: моногр. по результатам социол. исследования / ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет». Екатеринбург, 2008.
12. Шмерлина И. Заметки о российском учительстве в контексте национального проекта «Образование» // Социальная реальность. 2007. № 1–2. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.isras.ru/publ.html?id=896>
13. Щедровицкий Г. П. Место логических и психологических методов в педагогической науке // Вопр. философии. 1964. № 7. С. 38–49.

УДК 372.831 : 37.013.78

А. В. Швецова

РАЗВИТИЕ ГЕНДЕРНОЙ КУЛЬТУРЫ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. В статье актуализируется проблема развития гендерной культуры как культуры социального взаимодействия, дается ее историко-генетический анализ и определяется роль образования в данном процессе.

Ключевые слова: гендерная культура, культура взаимодействия, система образования.

Abstract. The paper considers the problem of development of gender culture as a culture of social interaction; its historic-genetic analysis presented, and the role of education in this process defined.

Index terms: gender culture, culture of interaction, the system of education.

Гендерная культура – один из основных элементов культуры как социального феномена. В свою очередь, это понятие само по себе является сложносоставным, включающим политико-правовой, образовательный, бытовой, экономический, исторический и многие другие аспекты. Очевидно, что основным субъектом развития гендерной культуры является система образования как институт, в котором процесс гендерной социализации может носить целенаправленный характер.

Сегодня возможность всеобщего образования для многих выглядит само собой разумеющейся, а статья из Конституции Российской Федерации, где утверждается, что «государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности... а также других обстоятельств...» и «мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации» [8], – кажется формальностью. На самом деле эти простые истины – результат многовековых, сложных социальных процессов.

18 декабря 1979 г. Генеральной ассамблеей ООН была принята Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, обозначившая своим появлением официальное признание факта неравноправия полов в мире, а также провозгласившая такое положение вещей недопустимым [7]. По состоянию на апрель 2010 г. Конвенция вступила в силу для 186 стран. СССР ратифицировал Конвенцию в 1981 г. Российская Федерация, выступая в качестве государства-правопреемника СССР, приняла на себя обязательства по Конвенции без оговорок. Конвенция является основным международным инструментом для решения проблем гендерной дискриминации. Ратифицируя ее, государства-участники обязуются не только установить формальное правовое равенство между мужчинами и женщинами, но также принимать меры для обеспечения реального осуществления женщинами своих прав наравне с мужчинами. Кроме того, государства обязаны раз в четыре года представлять отчеты о принимаемых мерах и трудностях при воплощении в жизнь положений Конвенции.

В 2006 г. Американской ассоциацией юристов был составлен Отчет о выполнении требований Конвенции ООН ликвидировать все формы дискриминации в отношении женщин в Российской Федерации [10], в котором представлен анализ гендерной ситуации по таким вопросам, как образование, здравоохранение, занятость, политическая и общественная жизнь, насилие, экономические и социальные права, семейные отношения, торговля женщинами, стереотипы и предрассудки о роли мужчин и женщин. В целом выводы экспертов нельзя назвать утешительными. В частности, в Отчете обозначен спектр касающихся гендера проблем отечественной системы образования:

- то обстоятельство, что женщины не осознают гендерной дискриминации в их отношении, в сочетании с невысокой правовой культурой

ограничивает использование правовой системы как инструмента расширения прав женщин;

- школьные занятия и учебники закрепляют гендерные стереотипы – стандартизированные, зачастую ложные или искаженные представления о моделях поведения и чертах характера, соответствующие понятиям «мужское» и «женское» [4, с. 16].

- выбор образования для женщин ограничен законодательством и гендерными стереотипами о пригодных для женщин профессиях;

- государство не требует, чтобы информация о репродуктивном здоровье и планировании семьи преподавалась в государственных образовательных учреждениях.

Кроме того, по мнению экспертов, «гендерное сознание отсутствует на всех уровнях российского общества», а «государственные служащие, законодатели и юристы не знакомы с антидискриминационными положениями национального и международного законодательства» [10]. Этот факт не может не отражаться на качестве образования, особенно в области культуры взаимодействия мужчин и женщин. Воспитание гендерной культуры является важным критерием демократии и должно быть принято как одно из приоритетных направлений в правовом и социальном развитии страны. Система образования, как значимый субъект социализации, должна обеспечивать выполнение норм мирового и российского законодательства, в том числе в сфере защиты прав женщин.

Однако, на наш взгляд, понятие гендерной культуры не должно сводиться к вопросу о дискриминации женщин. Это более широкая категория, включающая в себя и трудности, специфичные для современных российских мужчин, и вопросы межличностного взаимодействия, нравственности и т. д. Кроме того, следует использовать возможность самого понятия «гендер» для смещения ракурса общественного сознания с вопросов половых различий и полярности на вопросы общечеловеческого характера, осознания принципиальной равноправности мужчин и женщин, признания права на выражение своей гендерной идентичности.

Для понимания актуальных гендерных проблем важно проследить эволюцию восприятия сущности женщины, ее роли и места в обществе, историю женского вопроса, причины его возникновения, оценить исторически сформировавшиеся подходы к его разрешению и увидеть перспективы их дальнейшего развития.

Большая часть известной нам истории человечества – это история патриархата. Идея биологического детерминизма являлась ведущей на протяжении многих веков. В работах выдающихся философов разных эпох часто дается обоснование необходимости неравного положения людей и практически никогда не ставится вопрос о возможности иного пути общественного развития. Говоря об античном периоде гендерных исследований, обычно называют имена Платона и Аристотеля. Платон стоял на

позициях общего обучения, что не мешало ему называть женщину низшим существом, а любовь к ней – животным чувством, обусловленным необходимостью размножаться. Вслед за ним Аристотель считал, что женщины – это низшие существа, импотентные мужчины, поскольку в них отсутствует принцип «души», тождественный рациональности. Он придерживался идеи раздельного обучения мальчиков и девочек, так как они имеют разную природу. Низменность полодифференцированного подхода в образовании обусловлена предназначением женщины воссоздавать потомство и вести домохозяйство.

Для средневековой христианской философии (Фома Аквинский, Святой Августин, Филон Александрийский) также характерна традиция представлять мужское как сознательное, рациональное, божественное, а женское как олицетворение грязного телесного мира. В трактате по демонологии «Молот ведьм» [14], написанном Я. Шпренгером и Г. Крамером (латинизированный вариант – Инститориус), представлена развернутая система доказательств справедливости подавления женщин. Изначальная греховность и маловерность женщин подтверждается этимологией слова «*femina*», происходящего якобы от латинских слов *fe* (*fides* – вера) и *minus* (мнее). Средневековая «охота на ведьм» стоила жизни тысячам женщин.

Начиная, по крайней мере, с эпохи Просвещения, философы оказывались в достаточно неудобном положении по отношению к рассматриваемому вопросу. Не признавать женщину полноценным человеком было уже невозможно, а признавать – еще сложнее. В эссе «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного» [6], пытаясь придать идее неравноценности мужской и женской природы более презентабельный вид, И. Кант пишет: «Недостаток абстрактного мышления развивает в женщинах вкус, чувство прекрасного, чувствительность, практичность, которая играет значительную роль в семейной жизни... Мужчина уравнивает женские недостатки, и таким образом создается гармоничная пара». Однако «глубокий» мужской ум по-прежнему доминирует над «прекрасным» (но неполноценным) женским. А. Шопенгауэр в «Метафизике половой любви» предлагает обоснование допустимости для мужчин супружеской измены: «Супружеская верность имеет у мужчины характер искусственный, а у женщины – естественный... прелюбодеяние женщины... гораздо непростительнее, чем прелюбодеяние мужчины» [13].

Женские движения и перемены в системе производственных отношений привели к качественным изменениям реальности гендерных отношений в индустриально развитых странах. В конце XIX в. Ф. Ницше определил стремление женщин к самостоятельности как наиболее скверный прогресс в обезображивании Европы.

Знаковой является работа философа и психолога О. Вейнингера «Пол и характер» (1903) [3]. Опираясь на кантовскую философию, он приходит к выводу, что логика есть необходимое условие для того, чтобы че-

ловек был самим собой. Способность мыслить логически характерна лишь для мужчин, тогда как женщины мыслят генидами – образованиями, где мышление и чувствование составляют единое целое. Вейнингер говорит не просто о превосходстве мужчин; по его мнению, существование женщины, как и она вся, само по себе ничего не значит. Женщина обретает смысл исключительно посредством мужчины, притом «мужчина, представляющий собою олицетворение низости, стоит бесконечно выше наиболее возвышенной из женщин» [3, с. 345]. Однако, несмотря на специфичность взглядов Вейнингера, он затронул в своей работе один очень важный аспект, на наш взгляд, и сегодня не потерявший своей актуальности, – относительность и декларативность принципов равенства в мире. «Большинство людей предпочитают теоретически уважать женщину с тем, чтобы практически глубже презирать женщин», – утверждает автор. Характерно, что Вейнингер выступает за равенство прав мужчин и женщин. Но так как женщина, по его мнению, не является субъектом, то это равенство не должно распространяться на доступ к власти и политике: «Как результаты науки совершенно независимы от того, согласны ли с ними люди или нет, точно так же вопрос о праве и несправии женщины может быть разрешен и без ее участия» [3, с. 447].

Вейнингера часто критикуют за то, что уж слишком явно проступает личность автора в каждой страничке его работы, что его жизнь и – в особенности – смерть, куда более удачно «иллюстрируют» основные тезисы автора, нежели система его доказательств. Действительно, человека, столь уверенно рассуждающего о женской природе, ни разу в жизни не уличили в связи с какой-либо женщиной. Еврей по происхождению, он был активным антисемитом. Утратившая самостоятельное философское и, тем более, научное значение, его работа осталась в равной мере документом той эпохи и личности. И все же есть в «Поле и характере» один немаловажный момент: Вейнингер настойчиво говорит о несоответствии действительности стереотипным представлениям о мужественности и женственности. Даже если учесть, что делает это автор вовсе не из гуманных соображений, мысль эта все равно очень значима – она заставляет задуматься об относительности общественных убеждений. Вейнингер, вторя многовековой традиции, говорит об отсутствии какого-либо смысла в женщине. И в то же время заявляет о принципиальной несогласии с привычными стереотипами и пытается угадать «настоящие» мотивы женского поведения. У С. Дали это звучит примерно так: едва я поверил, что Бога не существует, как мне сказали, что он умер.

В русской классической философии гендерные аспекты рассматриваются в основном косвенно, что заметил еще Николай Бердяев, указав, что главным недостатком всех социальных теорий является стыдливость, а часто лицемерное игнорирование вопросов пола и любви. В «Метафизике пола и любви» [2] он представляет свою религиозно-философскую кон-

цепцию пола. Написанная с небольшой разницей во времени с «Полом и характером» Вейнингера, она представляет собой совершенно иную картину миропонимания. Однако прослеживается согласованность в постановке вопросов, характерных для того периода: каково предназначение мужчины и женщины? как соотносятся категории мужественности и женственности? что есть «любовь»? как относиться к женской эмансипации? и т. д. Бердяев утверждает, что женщина есть существо более возвышенное, чем мужчина, и назначение ее состоит не в подражании ему и не в рождении детей, а в воплощении вечной женственности в мире, стремлении к любовной гармонии, красоте и свободе. Он считает, что дело это не меньше и не хуже всех мужских дел, но все же, как и Вейнингер, делает акцент на невозможности сколько-нибудь значимых достижений женщины в «мужских делах» – политике и науке. Бердяев делает важное замечание о том, что основу так называемого «женского вопроса» составляет положение о том, что мужчина есть нормальный человек, полная индивидуальность, а при таком условии достижение равноправия невозможно. Решение проблемы он видит в смещении акцентов с экономико-политических на аксиологические. Таким образом, вопросы пола выводятся на мистическо-религиозный уровень, где женственность – через категорию любви – наделяется возвышенным содержанием, тогда как мужественность рассматривается как категория практическая, но по-прежнему базовая.

Что же касается образования, и в частности разработки воспитательных концепций, взгляды мыслителей относились чаще к сфере обыденного понимания. По мнению большинства философов-воспитателей и обществоведов XVIII–XIX вв., смысл существования двух разных полов заключается в продолжении человеческого рода. Жан-Жак Руссо выступил с революционными идеями воспитания женщин, хотя не считал, что мальчиков и девочек нужно воспитывать в одинаковых условиях. Он утверждал, что женщине следует быть стеснительной, хитрой, кокетливой, а мужчине – откровенным, прямым, добросовестным, воспитание же должно способствовать развитию именно этих добродетелей. Джон Локк замечал, что система воспитания ориентирована на детей знати и осуществляется в домашних условиях под надзором специально подготовленного воспитателя. Будущих джентльменов он советовал учить иностранным языкам, географии, математике, философии, а леди – танцам, пению, искусствам. Клод Гельвеций делал ударение на равноправии женщин и мужчин в получении образования. Анатомическое отличие – не повод для вывода, что женщина имеет низкий уровень умственного развития и не способна научиться. Ян Амос Коменский стоял на позиции раздельного обучения, однако не находил достаточных оснований, чтобы целиком отстранить женщин от научных занятий. Однако при разработке педагогических принципов обучения Коменский не закладывал принципа равных возможностей, обучение в академии предназначалось только для

юношей. Иоганн Генрих Песталоцци выступал с критикой педагогических подходов к воспитанию детей разного пола и ратовал за общее обучение.

Отечественные педагоги пытались сочетать патриархатные традиции воспитания с принципами гуманизма. Константин Ушинский говорил о равноправии мужчин и женщин как таковом, в частности в получении образования. Антон Макаренко важнейшим аспектом полового воспитания считал формирование гармоничных отношений между женщинами и мужчинами в семье. Василий Сухомлинский подчеркивал необходимость полового воспитания юношей и девушек на основе гармонии и взаимоуважения, но при условии традиционного воспитания [12, с. 63].

Введение в научный аппарат термина «гендер» ознаменовало собой начало коренного поворота в понимании предназначения мужчин и женщин. Многочисленные исследования психологов, социологов, этнологов, проводимые с целью изучения половых особенностей людей, позволили с уверенностью утверждать, что поведение мужчин и женщин во многом обусловлено социальными факторами, а не заложено генетически, как это считалось ранее. Эта теория получила название социального конструирования гендера.

Сама проблема гендера возникает с развитием феминистского движения в Европе. Сначала зарождаются женские движения и появляются исследования, анализирующие проблемы подчинения женщин. Затем анализ женской проблематики перерастает в гендерные исследования, где научными объектами являются в равной степени как мужчины, так и женщины, признается присутствие гендера во всех социальных процессах. Встает вопрос о необходимости пересмотра ключевых позиций в современной науке в целом и в социологии в частности. Речь идет не столько о появлении нового – гендерного – направления во многих областях гуманитарного знания, сколько о попытке их полонейтрального преобразования (во-первых, основанного на опыте и интересах не только мужчин, как это происходило традиционно, но и женщин, а во-вторых, соблюдающего принцип равноправия).

Социологический смысл понятия «гендер» акцентирует внимание на том, что он социально конструируем, и конструкт этот создается в процессе социализации. Гендерные стереотипы и роли относительно и изменчивы. Исследования показывают, что они различаются в разные исторические времена и в разных культурах. Так, М. Мид, имея целью подтвердить существование объективных различий между мужчинами и женщинами, в итоге доказала обратное: гендерные роли напрямую зависят от социально-культурных особенностей данного общества. В исследуемых ею племенах (арапеша, мундугуморы и тчамбули) мужчины и женщины исполняли совершенно различные роли, порой прямо противоположные стереотипам, считающимся в нашем обществе «естественными» для каждого пола [9].

Большое значение в данном контексте имеют работы Н. Смелзера и Э. Гидденса, выдающихся теоретиков и практиков современной социологии. В «Социологии» Н. Смелзера [11] изложены традиционные основания дифференциации половых ролей. Рассматривая различные теоретические подходы (функционализм, теорию конфликта, неомарксизм и неопсихоанализ), объясняющие причины гендерного неравенства, Смелзер приходит к выводу, что ни один из них не дает исчерпывающего обоснования всех видов дифференциации сексуальных ролей, следовательно, «для социологов, исследующих проблему соотношения сексуальных ролей и неравенства, было бы целесообразно определить типы обществ и ситуаций, которые наилучшим образом объясняет каждая из этих конкурирующих теорий, а затем уже выделить факторы, способствующие формированию системы ценностей каждого общества» [11, с. 357]. Смелзер считает, что статус мужчин и женщин в обществе подвержен постоянным изменениям, и тенденция эта сохранится. Социолог уверен в глубоком смысле данного процесса и необходимости некоторых «уступок», способствующих активизации. В частности, изменения должны произойти в образцах социализации, предрасполагающих женщин к примирению со своим подчиненным положением, и в отношении мужчин к своим домашним обязанностям в сторону увеличения степени их участия в воспитании детей. Таким образом, появление социально-конструктивистского понимания мужественности и женственности отказывается в однозначности и априорности теории эссенциализма и заставляет коренным образом пересмотреть и переосмыслить все накопленные ранее знания о социальном устройстве общества. Вопросы гендерного неравенства не являются обособленными от остальных общественных процессов, поэтому сколько-нибудь значительные изменения в этой сфере могут произойти только в том случае, если изменится сама система.

Другую трактовку дает Энтони Гидденс – известный британский социолог, основатель теории структуриации. Он называет изменения в гендерном устройстве общества, происшедшие на уровне повседневной жизни, одним из четырех событий в истории человечества, которые привели к глобализации (наряду с информационной революцией, развитием экономики и падением советской коммунистической системы).

Важнейшей трансформаций в современном мире Гидденс считает перемены в сфере личной жизни человека – в сексуальных отношениях, браке и семье. Этим изменениям посвящена его работа «Трансформация интимности: сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах» [5]. Наиболее характерным процессом в сфере семейно-брачных отношений Гидденс называет исчезновение традиционной семьи как экономического союза, в котором присутствовало неравенство положения его членов – мужчины, женщины и детей. Вопреки распространенному мнению о кризисе семейно-брачной системы в современном обществе, Гидденс

заявляет, что сегодня супружеская пара находится в центре семейной жизни, любовь и сексуальное притяжение становятся базисом брачных связей, основанных, прежде всего, на эмоциональном общении или интимности (что представляет собой абсолютно новое, а вовсе не традиционное явление).

Важный шаг в развитии гендерных исследований – теория гендерной схемы С. Л. Бем [1], согласно которой половая типизация – это результат научения, и, следовательно, она не является неизбежным, неминуемым и не поддающимся изменению явлением. Несмотря на спорность некоторых практических методов гендерного воспитания, предлагаемых Бем, мы солидарны с автором в его предположении о том, что развитие свободной личности возможно только при условии полонейтральной системы образования.

Сегодня активно идет процесс трансформации гендерного устройства общества. История наглядно демонстрирует, насколько велика в нем роль образования как института, определяющего вектор этих трансформаций и являющегося основным их двигателем. Развитие гендерной культуры включает в себя формирование общечеловеческих, гуманных ценностей, аналитического восприятия действительности, нестереотипности мышления. Определив эти качества как гендерно-универсальные и приоритетные в образовании, мы можем надеяться на признание нашего общества культурным, а его ценностей – носящими практический, а не только декларативный характер.

Литература

1. Бем С. Л. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов: пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. 336 с.
2. Бердяев Н. А. Метафизика пола и любви // Эрос и личность: Философия пола и любви. М., 1989. С. 17–51.
3. Вейнингер О. Пол и характер. Принципиальное исследование. М.: Латард, 1997. 480 с.
4. Воронина О. А., Клименкова Т. А. Гендер и культура // Женщины и социальная политика – Women and social policy: (гендерный аспект): сб. / отв. ред. З. А. Хоткина. М.: Ин-т социально-экономических проблем народонаселения РАН, 1992. С. 10–22.
5. Гидденс Э. Трансформация интимности. СПб.: Питер, 2004. 208 с.
6. Кант И. Собр. соч.: в 8 т. Юбилейное издание 1794–1994. Т. 2: Докритические произведения. М.: ЧОРО, 1994. 429 с.
7. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин: принята и открыта для подписания, ратификации в присоединения резолюцией Генеральной ассамблеи 34/180 от 18 декабря 1979 г. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.un.org/russian/document/convents/cedaw.htm>

8. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. М.: Норма: Норма-Инфра-М, 2002. 128 с.

9. Мид М. Культура и мир детства: Избр. произведения / пер. с англ. и коммент. Ю. А. Асеева; сост. и предисл. И. С. Кона. М.: Наука, 1988.

10. Отчет о выполнении требований Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин в Российской Федерации: Американская ассоциация юристов. 2006. 166 с. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.rlpp.ru/files/0/cedaw_russia_ru.pdf.

11. Смелзер Н. Социология: пер. с англ. М.: Феникс, 1998. 688 с.

12. Сухомлинский В. А. Рождение гражданина. М., 1979. Т. 1.

13. Шопенгауэр А. Метафизика половой любви. М.: Азбука-классика, 2008. 226 с.

14. Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм / пер. с лат. Н. Цветкова; предисл. С. Лозинского. М., 1932; 2-е изд. М.: Интербук, 1990. 351 с.